

«О мальчике, родившемся в конце июля?» Сириус прервал её.

«Да, — подтвердила Гермиона, быстро кивнув, — Риддл по своим собственным причинам, о которых мы, вероятно, никогда не узнаем, решил, что это был Гарри».

«Риддл?» Сириус выглядел потерянным.

«Том Риддл — настоящее имя Волан-де-морта. Так мы его теперь зовем — это убирает страх, это была идея Гарри».

«Великолепно, мы должны сделать это и сейчас, — сказал Сириус, — остановить всю эту чушь Сама-Знаешь-Кого»

«Я никогда этого не понимала, — задумчиво сказала Гермиона, — я имею в виду, может быть, нормальных граждан — но Министерство? Мне всегда казалось странным, что они проявляют столько страха».

«Думаю, — согласился он. — Как я уже сказал — это чушь».

«Так или иначе, — сказала она, снова сосредоточившись на поставленной задаче, — пророчество верно, именно Гарри суждено было покончить с Риддлом навсегда. Когда нам с ним и нашим другом Роном было по семнадцать, мы отправились на миссию, оставленную нам Дамблдором — видишь ли, он умирает, но я еще к этому вернусь — это была миссия по убийству Риддла. Чтобы уничтожить его полностью. Нам потребовался год, чтобы найти то, что нам нужно, а Риддл и Пожиратели Смерти охотились за нами, но, в конце концов, нам удалось сделать все, что нужно. В конце концов, Гарри побеждает. Он побеждает Риддла в единоборстве, и Риддл побежден навсегда».

«Гарри убивает его? Малыш Гарри?» — спросил Сириус, его лицо было очень бледным.

«Ну, — Гермиона слегка улынулась, — к тому времени он уже не такой уж маленький, но да. Он убивает его на глазах сотен людей. В мое время он настоящий герой — у него есть даже собственная открытка с шоколадной лягушкой» — добавила она, пытаясь убрать испуганный взгляд с лица Сириуса.

«Ха», сказал он с улыбкой, которая не достигла его глаз. — Я был там? — тихо спросил он. — А Джеймс и Лили? Хотя... — сказал он, нахмурившись, искажая его потрясенное лицо, — я не могу себе представить, чтобы Лили стояла в стороне, пока ее сынишка сражался с Волан-де-Мортом — она бы пнула старого Змеелицкого под зад, прежде чем позволила бы Гарри сразиться с ним»

Внутри Гермионы снова начало нарастать чувство паники. Борись! Голос в ее голове сказал ей. Она оглядела комнату — как она могла сказать ему об этом в комнате, полной людей? Это было

несправедливо... он рассердится, очень рассердится, когда она расскажет ему о Петтигрю. Она не хотела устраивать сцену.

«Вообще-то, Сириус... Я думаю, нам лучше подняться в мою комнату — это длинная история и, честно говоря, не очень приятная».

«Ладно, тогда пойдем, — нетерпеливо сказал он, — я хочу покончить с этим». Он взял свой почти полный бокал вина и выпил его. Гермиона смотрела с удивлением — возможно, он нервничал больше, чем выглядел.

Вытерев рот рукавом и слегка кашлянув, он сказал: «Интересно... Не так уж хорошо, когда пьешь все сразу».

Покачивая головой, Гермиона встала, взяв с собой бокал. «Я просто допью свой наверху».

Он печально улыбнулся: «Я не осознавал, что это вариант».

Когда они добрались до комнаты, Сириус огляделся, явно впечатленный. «Здесь неплохо?»

«Нет» — сказала Гермиона, задаваясь вопросом, почему он говорил об декоре, когда она собиралась сообщить ему худшие новости в его жизни.

Он плюхнулся на диван, вытянув длинные ноги перед собой, скрестив лодыжки, положив ботинки на журнальный столик, сцепив пальцы за головой и откинувшись назад: настоящая картина непринужденного человека. Однако глаза его выдали — он следил за каждым ее движением, как ястреб. Она попыталась выглядеть спокойной, поставила вино на журнальный столик, а затем села в кресло напротив.

«Сириус, — сказала она, — я просто хочу тебя предупредить: кое-что из того, что я тебе скажу, будет трудно услышать. Я хочу, чтобы ты помнил, что ничего из этого не произойдет. Мы собираемся это изменить, да, я — и ты, если согласишься помочь».

Час спустя, выпив еще одну бутылку вина, Сириус стоял на маленьком балконе гостиничного номера Гермионы с сигаретой в одной руке и фотографией в другой.

Там была Гермиона, выглядевшая очень молодо, но сомнений не было, что это была она, эти волосы нельзя было перепутать, — она стояла между двумя мальчиками, один высокий и веснушчатый, с огненно-рыжими волосами, а другой... ну, другой мальчик был в основном Джеймсом. Он был ниже рыжеволосого, но выше Гермионы и выглядел очень похожим на Джеймса, которого Сириус помнил с пятого курса; Его глаза, конечно, были другими, и очки были неправильной формы, но в остальном Гарри был точной копией своего отца.

Хотя это и примечательно, но не это заставило руки Сириуса задрожать, когда он затаился сигаретой. Это был он сам. На снимке Сириус стоял позади Гарри, положив руку ему на плечо.

Он, Сириус, был таким изможденным, таким старым... таким грустным... не говоря уже о том, что он выглядел худым и слабым. Его глаза были затравлены, когда он смотрел на него со старой фотографии. Рядом с ним был Ремус – тоже морщинистый и определенно седой, его лицо нахмурилось в знакомой гримасе – Сириус мог сказать, что он о чем-то беспокоился. По крайней мере, Лунатик все еще в хорошей форме, подумал он.

Эта безумная картина была настолько тревожной – что случилось, что заставило его выглядеть таким... таким мертвым?

Гермиона рассказала ему эту историю; Риддл убил Лили и Джеймса. Сириус побледнел от этого – в чем они ошиблись? Гарри стал причиной падения Риддла, но на самом деле он не был мертв: крестражи, которые он создал до нападения на Поттеров, сохранили его существование.

Гарри должен был быть защищен кровью Лили, поэтому его воспитала ее сестра-магл. Гермиона и два мальчика выследили крестражи, а Гарри сражался и победил Волан-де-морта. Но очень многие были потеряны по пути. В том числе, видимо, и он сам. Убит в Министерстве, пытаясь спасти Гарри, всего через несколько месяцев после того, как была сделана эта фотография.

Гермиона просила его о помощи – как он мог отказать? Жизни Джеймса и Лили были в опасности. Он сделает все, чтобы защитить их. С большей частью этого он мог справиться: то, что она пришла из будущего, без проблем; спасти жизни своих друзей — это было само собой разумеющимся; уничтожить душу Волан-де-морта, он бы получил от этого удовольствие; отправиться в приключение с интересной женщиной, ну, это была вишенка на торте.

Нет, не беспокойство по поводу чего-либо из этого заставило его схватить Огневиски, как будто это была последняя бутылка на земле. А что-то, о чем она ему не говорила. Гермиона сказала, что фотография 1995 года — ему было всего тридцать шесть. И все же он выглядел таким опустошенным... таким грустным... побежденным. Эти глаза – они совсем не были похожи на его, почти пустые. Закрыты. Гермиона сказала, что фото было сделано в тот день, когда они возвращались в Хогвартс, и ему было грустно прощаться с Гарри. Он мог это понять, но было кое-что еще. Он услышал движение позади себя и, обернувшись, увидел Гермиону, стоящую в открытой двери с чашкой чая и выглядящую несчастной.

«Просто скажи мне, — пробормотал он, глядя на горизонт перед ними. Она не говорила. Он повернулся к ней и встретился с ней взглядом. — Пожалуйста, просто покончим с этим».

«Я не хочу, чтобы ты боялся» — сказала она почти шепотом.

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4261010>